

Брянская областная
библиотека

научная универсальная
им.Ф.И. Тютчева

Информационно - библиографический отдел

К 100-летию начала Первой мировой войны

Первая мировая война

(1914 - 1918 гг.)

Дайджест

Брянск, 2014

Составители Н.И. Кожанова; С.Ю. Морозова

Редактор Н.И. Кожанова

Первая мировая война (1914 - 1918 гг.): дайджест / информационно – библиографический отдел ; ГБУК «Брянская областная научная универсальная библиотека им.Ф.И. Тютчева». – Брянск, 2014. – 30 с. - (К 100-летию начала Первой мировой войны).

© ГБУК «Брянская областная научная универсальная библиотека им.Ф.И. Тютчева», 2014.

Предисловие

*«Мчались годы в простреленных вёрстах,
По друзьям, не вернувшимся в ряд.
Что застыли в серебряных росах
За Отечество и за Царя.»*

Ю. Борисов

В 2014 году исполняется 100 лет со дня начала Первой мировой войны.

Первая мировая война - это первый военный конфликт глобального характера, который охватил более тридцати государств мира. Война стала результатом острого соперничества за мировое господство в основном между Англией и Германией. Война явилась отражением кризиса европейской индустриальной цивилизации и промышленной революции.

В Первую мировую войну была втянута и Россия как одна из быстро развивающихся промышленных держав. Поводом к войне послужила смерть 28 июня 1914 г. наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда, которого застрелили в г. Сараево. Через месяц Австро-Венгрия объявила Сербии войну, что послужило началом большой мировой войны. Война окончилась поражением Германии и ее союзников, что подтвердилось при подписании Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г.

Первая мировая война ускорила развитие общественных процессов, явилась одной из предпосылок, обусловивших революции в России, Германии, Венгрии, Финляндии. В ее итоге создалась новая военно-политическая обстановка в мире.

В войне получили развитие и нашли широкое применение новые рода войск: авиация, бронетанковые войска, зенитные войска, противотанковые средства, подводные силы. Начали использоваться новые формы и способы вооруженной борьбы: армейские и фронтовые операции, прорыв укреплений фронтов.

Предложенный вашему вниманию дайджест позволит ознакомиться с материалами, посвященными Первой мировой войне, опубликованными в периодических изданиях из фондов Брянской областной научной универсальной библиотеки им.Ф.И. Тютчева.

Первая мировая война: некоторые дискуссионные вопросы

Сегодня между историками нет разногласий в том, что мировые войны напрямую связаны со многими историческими переменами в мире и оказывают на них огромное влияние. Причем они находят, что влияние первой мировой войны на судьбы человечества глубже, чем было принято считать. Так, например, известный американский историк и дипломат Д.Кеннан, говоря о роли Первой мировой войны в развитии человечества, подчеркнул, что именно эта война потрясла устои западной цивилизации, породив ее глубокий внутренний кризис.

Фактически последствиями «Великой войны» стала новая международная политическая система, получившая название «версальской».

Но сегодня, в год 100-летия начала Первой мировой войны, нельзя сказать, что не осталось ее неизвестных страниц, в том числе в контексте истории России. Многие исследователи считают, что мировая война до сих пор остается «забытой войной», несмотря на то, что ей посвящено немало работ. В условиях открывшихся новых архивных данных появляется возможность заново проанализировать драматические события 1914-1918 годов. Очевидно, что без правильного документального освещения различных проблем невозможно разобраться в существовании важнейших внешнеполитических акций царского правительства, в том числе и в его отношениях с союзниками.

Среди ученых нет единства в вопросе об отношениях правящих кругов тогдашней России к войне в ее начале и в последующие периоды. Историк А.И.Уткин приводит высказывание германского ученого И.Грюненга о том, что русское общественное мнение в начальный период германского подъема (1878-1894 гг.) выступало против вторжений России в европейскую политику, предпочитая свободу государственного маневра. Даже М.Н.Катков, известный своей неприязнью к Германии, был за политику «свободных рук», а вовсе не за выбор антигерманского союза. Лишь очень небольшая группа противников Германии, таких как генерал М.Д.Скобелев, могла симпатизировать антигерманской дипломатии, но влияние этой группы политиков было невелико. Известно, что в среде правящего класса в условиях начавшейся войны зрел тезис о том, что мир с Германией является условием развития страны, что Россия не должна бросать своих солдат на немецкие пулеметы, так как национальные цели России не связаны с поражением Германии. При этом не нужно сбрасывать со счетов влияние самой Германии на формирование оппозиции в российских кругах. Не случайно союзники по Антанте постоянно опасались усиления прогерманских настроений как среди российской элиты, так и общества в целом.

Недостаточно изученным остается вопрос о роли и месте России в межблоковой расстановке сил внутри Антанты. Нет однозначного мнения о том, насколько велика была зависимость нашей страны от других членов коалиции и в какой мере эта зависимость отражалась на самостоятельности внешнеполитического курса страны, в том числе и той роли, какую играла Россия в коалиции: второстепенную или одну из главных?

Некоторые исследователи полагают, что на рубеже XIX-XX веков главным союзником Англии оставались Россия и Франция, но и Германия могла бы стать идеальным союзником Англии, если бы этому не препятствовали германская «мировая политика» и притязания Берлина на гегемонию в Европе. Пока что представления исследователей на сей счет весьма различны.

По мнению одних историков, ведущая роль в Антанте (Тройственном согласии) и роль лидера принадлежала Англии. По мнению других, руководящее положение в коалиции занимали Англия и Франция. России, таким образом, отводилась роль второго плана. Известен также постулат, характеризующий Россию как «младшего партнера» западных держав, «прислужницу» международного империализма.

Есть точка зрения о том, что русской армии «отводилась» в вооруженном конфликте «второстепенная задача» - ведение войны на истощение противника. Между тем «война на истощение» была, как известно, общей стратегической линией держав Согласия, противопоставленной германской стратегии «быстротечной», «молниеносной» войны, хотя и страны Антанты рассчитывали на скоротечность войны.

Отмечаются нюансы и в трактовке вопроса об ориентации России внутри Антанты. Так, до сих пор идет спор о том, на кого больше равнялась Россия: на Францию, с которой она находилась в формальном союзе на протяжении почти четверти века, или на Великобританию. Одни историки считают таким союзником Францию, другие придерживаются иного мнения. Не отрицая важного значения франко-русского союза, часть историков полагает, что Россия в этот период ориентировалась в первую очередь на Англию, считая ее более «важной» союзницей.

.....

Недостаточно освещены историками и отношения России с Италией и Японией, с нейтральными государствами, в частности, со скандинавскими странами, которые играли немаловажное значение в течение всей войны. Особенно это касается отношений между Россией и Швецией.

До сих пор ведутся дискуссии насчет возможной альтернативы войне. Была ли такая альтернатива? По мнению ряда историков, у России не существовало с Германией таких разногласий, чтобы хвататься за оружие (А.Г.Истягин). Другие исследователи полагают,

что Россия оказалась втянутой в войну, которая диктовалась правильно понятыми национальными интересами. И не геополитические интересы России требовали разрушения Австро-Венгрии, а интересы создания «Великой Сербии» (Т.М.Исламов). Существует и точка зрения исследователя А.В.Ревякина, который считает, что «по большому счету у ведущих мировых держав не было оснований стремиться к войне».

Под влиянием имевшейся полемики о методах борьбы большевиков за власть широкое распространение, особенно в эмигрантской историографии, получил тезис об исключительной вине большевиков за развал армии. Думается, что более тщательное изучение настроений в армии, осмысление причин возрастания активности солдат в общественной жизни, особенно в период революций, позволило бы получить более правдивый ответ.

Остались без ответа интересные вопросы об истории различных контингентов русских войск в ходе войны, русских военнопленных и интернированных лицах. Среди таких «белых пятен» - судьба русских особых бригад на зарубежных фронтах мирового противостояния.

Стал еще общепризнанным вопрос о цене войны, достаточно сложной категории в научной военно-исторической литературе. По мнению ученых, эта проблема часто содержит в себе оттенок публицистичности. Наверное, отсюда и многочисленная игра такими терминами, как «цена прогресса», «цена реформ», «цена победы» и др. Смысловое содержание этих терминов до сих пор также остается предметом дискуссий.

Не так много аналитических работ об общности двух мировых войн, хотя сегодня это направление обозначается в планах многих конференций различного уровня.

// Вестник ВЭГУ. - 2014. - № 2 (70). - С. 110-114.

Волков С.В.

Первая мировая война и русский офицерский корпус

В годы Первой мировой войны русский офицерский корпус сильно изменился как по численности, так и по составу. Было принято считать, что в общей сложности за войну было произведено в офицеры около 220 тыс. человек. Однако на самом деле это число значительно больше — около 260 тыс. С учетом численности офицерского корпуса после мобилизации его общая численность не могла составлять менее 347 тыс. За вычетом потерь к концу 1917 г. в живых оставалось (считая и находившихся в плену, еще не вернувшихся в строй по ранениям и уволенных в отставку) примерно 320 тыс. офицеров, большая часть которых погибла в ходе Гражданской войны и «красного террора» либо оказалось в эмиграции.

Первая мировая война стала последней войной для армии Российской империи и ее офицерского корпуса и предопределила его трагическую судьбу. В годы войны русский офицерский корпус претерпел огромные изменения как по численности, так и по своему составу (достаточно сказать, что в 1914—1917 гг. в офицеры было произведено больше лиц, чем за всю историю русской армии до мировой войны).

Условия производства в офицеры в это время обусловили чрезвычайную пестроту офицерского корпуса в годы войны. До войны, несмотря на самое разное социальное происхождение офицеров, вся их масса (за очень небольшим исключением) проходила одинаковый путь — через военные училища (с той лишь разницей, что часть оканчивала до этого кадетские корпуса) — и представляла собой сравнительно единообразный продукт.

После начала войны военные училища перешли на сокращенный курс обучения (3—4 месяца, специальные — полгода), и их выпускники как офицеры военного времени производились не в подпоручики, а в прапорщики; с декабря 1914 г. так выпускались все офицеры (лишь кавалерийские училища, где срок был впоследствии увеличен до 1 года, три последних выпуска сделали корнетами). Но состав юнкеров училищ военных лет (в значительно меньшей мере это относится к кавалерийским, артиллерийским и инженерным) вследствие гигантского роста их численности по своей психологии и ценностным установкам существенно отличался от довоенного, поскольку в абсолютном большинстве эти лица не собирались становиться офицерами. Их образовательный уровень был, впрочем, относительно высок, так как в училища чаще определяли лиц 1-го разряда по образованию — окончивших не менее 6 классов гимназии и равных ей учебных заведений, а также с законченным и незаконченным высшим образованием (ко 2-му разряду относились все прочие — окончившие не менее 4-х классов гимназий, а также городские и уездные училища).

Кроме того, было открыто несколько десятков школ прапорщиков с таким же сроком обучения, куда принимался в принципе тот же контингент, но с гораздо более высокой долей лиц 2-го разряда по образованию. Весной 1916 г. несколько школ прапорщиков (1-3-я Петергофские, 2-4-я Московские, 4-5-я Киевские, 1-2-я Одесские, 3-я Тифлисская, 2-я Иркутская, Оренбургская и Ташкентская) были выделены исключительно для студентов (со сроком обучения 4 месяца).

Еще один тип офицера военного времени представляли собой прапорщики запаса — лица 1-го разряда по образованию, сдавшие в мирное время после службы в строю офицерский экзамен. Это был более пожилой контингент: в запасе прапорщики состояли 12 лет, а затем зачислялись в ополчение, но в годы войны множество их (в возрасте уже за

40) были призваны и из ополчения. Наконец, довольно широко практиковалось производство в офицеры без окончания военно-учебных заведений, непосредственно в частях — как из вольноопределяющихся (лиц с правами на производство по гражданскому образованию), так и лиц без образовательного ценза — подпрапорщиков и унтер-офицеров за боевые отличия.

.....

Минимальное число произведенных в офицеры помимо военно-учебных заведений — 24 853 чел., но еще какое-то число (в основном они производились приказами командующих фронтами) не успело пройти утверждение в Высочайших приказах. Наконец, несколько сот человек поступило из отставки и после мобилизации — в 1915—1917 гг. и несколько сот было переименовано из гражданских чинов. В морском ведомстве на конец октября числилось 7,5 тыс. офицеров, с учетом потерь за войну — до 8 тыс. Таким образом, с учетом послемобилизационной численности офицерского корпуса (без флота) 80 тыс. чел., общая численность лиц, носивших во время войны офицерские погоны, не могла составлять менее 347 тысяч (92 тыс. пополнения из военных училищ, 140 тыс. — из школ прапорщиков, 25 тыс. — из нижних чинов, около 2 тыс. из иных источников и 8 тыс. флот).

Из этого числа следует вычесть потери, понесенные в годы войны. Непосредственные боевые потери (убитыми, умершими от ран на поле боя, ранеными, пленными и пропавшими без вести) составили свыше 70 тыс. чел. (71 298, в т. ч. 208 генералов, 3368 штаб- и 67 772 обер-офицера, из последних 37 392 прапорщика). Однако в это число, с одной стороны, входят оставшиеся в живых и даже вернувшиеся в строй, а с другой — не входят погибшие от других причин (несчастных случаев, самоубийств) и умершие от болезней. Поэтому, чтобы выяснить, сколько офицеров оставалось в живых к концу 1917 г., следует определить приблизительное число погибших (убитых, умерших в России и в плену и пропавших без вести). Число убитых и умерших от ран по различным источникам колеблется от 13,8 до 15,9 тыс. чел., погибших от других причин (в т. ч. в плену) — 3,4 тыс., оставшихся на поле сражения и пропавших без вести — 4,7 тыс., то есть всего примерно 24 тыс. человек. Следовательно, если даже принимать во внимание возможный недоучет потерь, к концу 1917 г. в живых оставалось (считая и находившихся в плену, еще не вернувшихся в строй по ранениям и уволенных в отставку) примерно 320 тыс. офицеров.

.....

Можно констатировать, что к 1917 г. офицерский корпус в общем соответствовал сословному составу населения страны. К 1912 г. 53,6 % офицеров (в пехоте — 44,3)

происходили из дворян, 25,7 — из мещан и крестьян, 13,6 -из почетных граждан, 3,6 — из духовенства и 3,5 — из купцов. Среди же офицеров военного времени наблюдалась иная картина. Генерал Н. Н. Головин свидетельствовал, что из 1000 прапорщиков, прошедших школы усовершенствования в его армии (7-й), около 700 происходило из крестьян, 260 — из мещан, рабочих и купцов и 40 — из дворян. И действительно, если обратиться к послужным спискам выпускников военных училищ военного времени и школ прапорщиков, нетрудно убедиться, что доля дворян никогда не достигает 10 %, а доля выходцев из крестьян и мещан постоянно растет, никогда не опускаясь ниже 60-70 % (а большинство прапорщиков было произведено именно в 1916-1917 гг.).

.....

Большевистский переворот и Гражданская война положили конец существованию русского офицерского корпуса. Абсолютное большинство его либо погибло в ходе Гражданской войны и «красного террора» (до 90 тыс.), либо оказалось в эмиграции (до 100 тыс.), либо было расстреляно или погибло в тюрьмах и лагерях в 1920-1930-е гг.

// Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Серия2: История. История Русской Православной Церкви. - 2011. - № 38. - С. 111-117.

Назаров А.Н.

Первая мировая война в массовом сознании российского населения (на материалах Северо-Запада)

Первая мировая война явилась колоссальным испытанием для массового общественного сознания населения России. Лояльное отношение к существующим порядкам, почитание царской власти как власти от Бога сменяется антиправительственными настроениями, недоверием к императору. Ценности свободы (а где — и «полной свободы») получили широкое распространение в умах людей. И все это произошло за такой короткий по меркам исторического времени промежуток.

Нельзя сказать, что начало войны оказалось неожиданным для российского населения. Ее ожидание «висело в воздухе». Поэтому когда был издан Высочайший манифест, извещающий о начале войны с Германией и Австро-Венгрией, на призывные пункты явилось 96% всех призывных. Кроме того, отмечалось прекращение забастовок, стачек, аграрных волнений. Как писал французский посол в России М.Палеолог, «национальный порыв слишком силен... Русский народ не испытывал подобного патриотического подъема с 1812 г.». В городах России служили молебны «о ниспослании

русскому воинству победы над врагом». В Череповце, например, около Воскресенского собора собралось до 700 человек.

Подозрительное отношение населения к немцам проявлялось еще до войны. С наступлением же войны такое отношение к подданным Германии и Австро-Венгрии тем более усилилось. С первых дней войны было объявлено, что «все австрийские и германские подданные мужского пола от 18 до 45 лет должны считаться военнопленными, и подлежат немедленному аресту». Такая позиция властей была подхвачена населением. Стали разоблачать немецких шпионов. В частности, новгородскому губернатору докладывали, что в Белозерском уезде Новгородской губернии крестьяне одного из сел были очень возмущены недружелюбным отношением некоего Вагнера к России. Крестьяне другого села, по донесению исправника, «по объявлении войны встретили много фактов, которые всецело относятся к шпионству». Синдром шпиономании получил широкое распространение.

В обществе все сильнее стало утверждаться мнение, активно поддерживаемое прессой, что враждебная сторона не выдержит продолжительных военных действий и вот-вот пойдет на мирные переговоры. Газеты сообщали, что «слухи о зондировании нашим противником почвы для мирных переговоров продолжают держаться с удивительным упорством».

Если победы укрепляют правящий режим, то поражения, наоборот, ослабляют его авторитет в народном сознании. Обстановка на фронте в скором времени изменилась далеко не в лучшую сторону. Русская армия стала терпеть поражения. Как писал отечественный историк Н.Н.Яковлев, «поражения оскорбили и озлобили армию, виновников не надо было разыскивать, их имена были на устах — придворная камарилья, высший генералитет, оказавшиеся неспособными обеспечить войска. Оставшиеся в живых рядовые и офицеры-фронтовики знали, что до конца исполнили свой долг. <...> Фронтные неудачи болезненно ударили по моральному духу всей армии. С пугающей очевидностью отступление доносило до сознания миллионов, что идет война, невиданная в истории. Успех в ней приносит не героизм воина, а превосходство в материальных орудиях ведения вооруженной борьбы. Люди, еще вчера рвавшиеся в бой, начинали прозревать, понимая бессмысленность происходившего». Такие настроения стали распространяться и в тылу. Они исходили от прибывающих с фронта раненых солдат. Они говорили то, о чем умалчивала официальная пропаганда.

Недовольство положением дел на фронте усугублялось осложнением жизни в тылу. В стране возникли проблемы с продовольствием, а также со снабжением населения товарами первой необходимости. Главной причиной называют нехватку транспортных

средств. Правительство пыталось решить этот вопрос. Однако он вышел из-под контроля. Возник продовольственный кризис, и широкое распространение получила спекуляция. Например, торговцы из города Тихвина Новгородской губернии, заранее скупив муку и овес, спрятали эти запасы, чтобы вызвать, таким образом, повышение цен. Это вызвало в городе сильную тревогу.

Нехватку продовольствия ощущали не только в городах, но и в деревнях. Крестьянам не хватало своего продовольствия. Кроме того, крестьяне должны были возвращать долги по продовольственной ссуде. А это в условиях военного времени было сделать гораздо тяжелее. Многие крестьянские общества Северо-Запада подавали прошения о переводе их с денежной повинности на натуральную, однако власти шли на это неохотно. Испытывали крестьяне нехватку и товаров общего потребления.

То, что продовольственный кризис усилился, ясно следует из письма жительницы Тихвина А.Ф.Усть-Шомушской, адресованного инспектору народных училищ Новгородской губернии. «Горе с сахаром, — писала женщина, — выдают только по одному фунту песку на месяц... а у всех здешних богачей всё есть, только бедный люд морят и дерут где возможно в несколько раз дороже. Теперь уже скоро праздник наступит, а уже цены на все мясное поднимают с каждым днем». Писем с подобным содержанием было немало. В них чувствуется боль, возмущение и бессилие.

Обстановка в стране становилась все более напряженной. Возник конфликт правительства и Государственной Думы. Провинциальная интеллигенция внимательно следила за политической обстановкой. Уездный исправник из Тихвина доносил в ноябре 1915 г. новгородскому губернатору, что «в среде интеллигенции заметно скрытое неудовольствие правительственными распоряжениями об отсрочке созыва Государственной Думы, а также есть неудовольствия по поводу недостигнутых правительственных результатов по борьбе с возрастающей дороговизной жизни».

Среди простого населения стали замечаться факты «оскорбления Его Императорского Величества». Так, в ноябре 1914 года в Тихвине непочтительные речи говорил кулатинский староста Николай Поляков: «Какой он царь? Он пастух, а не царь, не может распорядиться нарезать крестьянам земли!». «Запасной из деревни Фамилеева Тихвинского уезда И.С. Серебряков, призванный на войну, прощаясь в Ильин день со знакомыми, якобы говорил, что «вот служил ранее 4 года, а теперь от малых ребят берут в солдаты, за это при первой встрече Государю пушу первую пулю».

Такие настроения по отношению к императору и императорскому двору появились не только в связи с общей обстановкой, но и благодаря тому, что на население стала оказывать влияние пропаганда. «Скандальную славу двору создавали те, кто был за-

интересован в отстранении от власти Николая II и обязательном сохранении в стране эксплуатационного строя. То было дело рук противников самодержавия в самой верхушке российской буржуазии, домогавшейся полной и безраздельной власти. Эти люди имели широкие возможности и практически неограниченные средства для систематической компрометации династии и внешне убедительное объяснение своей деятельности — они-де пекутся только и исключительно об интересах «народа»».

Общественное сознание населения под воздействием военного фактора, нехватки продовольствия дошло до той критической точки, что начало воспринимать либеральные и революционные идеи, поддаваться влиянию пропаганды политических партий.

Линия фронта неумолимо приближалась к Северо-Западным губерниям. И прежде всего — к Псковской. К концу 1916 г. фронт находился уже в 300 км от Пскова. В самом Пскове был размещен штаб Северного фронта, управление главного начальника снабжения с большим количеством отделов, госпитали и другие армейские учреждения. Соответственно в городе и окрестностях вся власть, по законам военного времени, переходила в руки военных. Все это вызывало чувство страха у местных жителей.

По одному из последних донесений из Тихвина можно судить, что обстановка в городе уже далеко не благополучная. «В среде интеллигентного класса и преимущественно городского населения большое распространение имеют не выпущенные печатью речи депутатов Государственной Думы: Милюкова, Шульгина, Шидловского; все эти речи отпечатаны на пишущих машинах, литографированы и перевезены разными лицами из Петрограда. Читались они обыкновенно секретным путем в одиночку и переходили из рук в руки от одного лица к другому; на основании прочитанного, конечно, были суждения о правительстве в весьма нелестных образах; все же эти суждения были, опять таки, не в больших скопищах, а преимущественно в среде близких между собой знакомых личностей. В среду сельского населения речи не проникали», — доносил исправник.

И.А. Ильин, давая характеристику той катастрофе, которая произошла с русским народом в годы первой мировой войны, писал, что «духовный кризис, проявившийся во время войны, состоял в том, что *русское всенародное правосознание не стояло на том уровне великодержавия, который был необходим России*. Так было и в народной массе, не постигавшей ни разумом, ни волею великодержавных задач, затруднений и опасностей России, и в интеллигенции, предавшейся сентиментальным мечтам, политическому радикализму и хозяйственно-социалистическим утопиям. Борьба за русское самостояние и за историческое единство России такое правосознание могло только *при*

большом подъеме духа, при непоколебимости монархической формы и при отсутствии тяжелых неудач на фронте».

Таким образом, общественные настроения стали приобретать антиправительственный характер. Война, потеря родных и близких на фронте дали толчок общественному сознанию, а неспособность правительства наладить продовольственное снабжение и влияние оппозиционных сил в Государственной Думе довершили переворот в массовой психологии населения. Общественное мнение было уже на стороне новых, либеральных и революционных сил.

// Вестник Новгородского государственного университета
им. Ярослава Мудрого. - 2007. - № 41. - С. 15-16.

Попов Г.Г.

Почему Россия не могла не проиграть Первую мировую войну (социально-экономические аспекты)

Первая мировая война в корне изменила ход не только российской истории (спровоцировав революционные события 1917 г.), но и истории всего мира. Как отмечали многие исследователи прошлого века, новый мир родился в окопах Великой войны (термин «Первая мировая война» вошел в обиход исторической науки только после Второй мировой войны). Хотя в направлении изучения социально-экономических причин, развития и последствий Первой мировой войны сделано много, однако эта тема продолжает содержать немало пробелов. Особенно это касается российской историографии.

Практически до конца XX в. никто в отечественной исторической науке не занимался социально-экономическими аспектами Первой мировой войны. Первым, кто еще в советский период проанализировал финансирование военных программ царской России начала XX в., был К.Ф. Шацилло. Его работы и сейчас остаются почти единственными аналитическими исследованиями экономических причин военных неудач Российской империи периода ее окончательного заката. Однако исследования К.Ф. Шацилло в основном ограничиваются бюджетной политикой России в аспекте финансирования вооруженных сил.

Что касается западной историографии темы участия России в Первой мировой войне, то здесь ситуация не намного лучше. Наиболее известной новейшей аналитической работой по экономической истории Первой мировой войны является коллективная монография под редакцией Стефана Броудберри и Марка Харрисона. Написанная

профессором экономической истории Питером Гатреллом глава этой книги, посвященная России, красноречиво названа «Несчастливая Россия, несчастное зрелище...». Авторы «Экономики Первой мировой войны» стремятся доказать полную неспособность Российской империи вести долгосрочную войну со странами Центра. К сожалению, в труде С. Броудберри и М. Харрисона нет ни одной ссылки на российских исследователей — если не на К.Ф. Шаццлло, то хотя бы на белоэмигрантского Н.Н. Головина, который еще в 1930-е гг. дал довольно глубокий анализ социально-экономических причин поражения России в Первой мировой войне.

Мы не разделяем полностью идею С. Броудберри и М. Харрисона, что фатальная судьба Российской империи была предрешена всецело ее отсталой полуфеодальной хозяйственной системой. В истории есть немало примеров, когда страна с более архаичной экономикой побеждала более передовую страну (хрестоматийные примеры из нашей истории — Северная война 1700-1721 гг., Отечественная война 1812 г.). Чтобы совершенно «вдрызг» проиграть Великую войну, надо было иметь не только отсталую национальную экономику, но также отсталое управление военным снабжением и отсталое управление армией в целом. Вот эти очень существенные аналитические промежуточные элементы зарубежные историки склонны пропускать.

Союзники, которые хуже врагов

Война заканчивается победой, когда страна-победитель получает в итоге такую ситуацию, которая лучше, чем та, которая существовала перед началом войны. Улучшения могут проявляться в территориальных приращениях, в контрибуциях с противника, в повышении авторитета нации и т.д. С этой точки зрения, кстати говоря, единственными явными победителями Великой войны были США и Япония. Франция и Великобритания могут считаться победителями лишь с большой степенью условности: контрибуции и национальный престиж оказались куплены ценой чудовищных материальных потерь. Что же касается России, то она по итогам Первой мировой *в принципе* не могла выиграть что-то существенное, компенсирующее неизбежные высокие потери.

Следует подчеркнуть, что Антанта была очень своеобразным военно-политическим объединением. Если в XX в. государства НАТО и Варшавского блока объединялись общностью политических режимов и геополитических интересов, то в случае с Антантой этого не было. Консервативная Россия вступила в союз со своими старыми антиподами — республиканской Францией и конституционно-монархической Великобританией. Можно вспомнить Крымскую войну, во время которой Россия потерпела поражение как раз от будущих союзников по Антанте, и малоудачные результаты русско-турецкой войны 1877–

1878 гг. после Берлинского конгресса, где Великобритания, по существу, отняла у России все выгоды от победы. Англичане всегда рассматривали Россию как потенциальную угрозу своим колониям и, в свою очередь, угрожали российским колониям. Можно вспомнить, что Российская империя вынуждена была в 1867 г. продать Соединенным Штатам почти за бесценок Аляску, опасаясь, что эта территория будет захвачена Британией и станет плацдармом для дальнейших английских вторжений уже на русский Дальний Восток.

Сближение с Великобританией и Францией имело определенный смысл с точки зрения завоевания авторитета у российской «прогрессивной общественности». Романовы нуждались в поддержке со стороны российского общества, которое в конце XIX в. идейно быстро разваливалось. России, как бы сейчас сказали, остро требовалась национальная идея, и антинемецкие политические фобии для этого как раз подходили.

Можно подумать, будто союз с Францией и Великобританией был нужен России, чтобы освободить «братьев-славян» и армян от австро-венгров и турок. Однако мнение, будто российские императоры всегда кровно радели за братьев-славян и прочие дружественные народы, едва ли соответствует действительности. В 1820-е гг. у России имелась прекрасная возможность освободить Балканы от турок, но Александр I и Николай I твердо придерживались политики борьбы с революциями, тем более с национально-освободительными. Поэтому Николай I колебался даже в вопросе помощи восставшим грекам. В 1848 г. этот же император послал экспедиционный корпус подавлять возмущившихся против Австрии венгров, даже не пытаясь оказать какую-то помощь политическому освобождению хорватов, сербов, чехов и других славян Австро-Венгрии.

Российская империя сама имела очень похожие проблемы, это — освободительное движение в Польше и восстания горцев Кавказа. Поэтому Россия готова была давить любые освободительные движения в Европе и Азии либо сохранять нейтралитет, даже если речь шла о православных славянах. Справедливости ради надо заметить, что и «братья-славяне», глядя на участь поляков, тоже не пылали к Российской империи большой любовью.

Отсутствие реальных основ для сотрудничества привело к ненормальной ситуации в годы Первой мировой войны, когда западные союзники рассматривали Россию в лучшем случае как «пушечное мясо», а в худшем — как куклу для избиения германской армией. Российское же правительство даже не могло объяснить обществу и армии, ради каких именно целей идет тяжелая война.

.....

Парадокс с людскими ресурсами России

Еще одна причина поражения России в Великой войне связана с тем, что для армии остро не хватало людей. В результате не удалось использовать главную козырную карту отсталой нации в войне с более передовой нацией — возможность не особо считаться с потерями.

Нехватка бойцов кажется очень странной, ведь Россия имела к 1914 г. самое крупное в Европе население — 167 млн человек. На этом основании русские и французские стратеги считали, что Российская империя задавит численностью своих армий Германию в первые же недели войны. Но этого не произошло: людские ресурсы России оказались сильно переоценены.

Прежде всего, в число годных к призыву мужчин в Российской империи не попадали так называемые «инородцы». Правда, была «Кавказская туземная дивизия» и прочие подобные «туземные» формирования, но их существовало даже к концу войны сравнительно мало. В отличие от России, Британия и Франция активно привлекала к службе в своих армиях представителей туземного населения колоний. Скажем, англичане в 1917 г. привлекли до полумиллиона китайцев и египтян к работам в строительных нестроевых частях (причем арабские историки утверждают, что их соплеменники угонялись британскими властями на фронт насильно).

Инородцы могли поставить в российскую армию 10 млн человек. Правда, качество этих контингентов было не на самом высоком уровне, однако кавказские формирования вполне можно было применять во второстепенных боевых действиях (например, на Румынском фронте). Опыт «Кавказской туземной дивизии» показал, что инородцы сражаются ничуть не хуже русских. Но режим Романовых принципиально отказывался от идеи о призыве представителей тех национальностей, которым было запрещено служить в армии.

Согласно уставу 1874 г. и закону 1912 г., которые регулировали вопросы призыва, освобождение от воинской службы предоставлялось всему инородческому населению Астраханской губернии, Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областей, Сибири, а также коренному населению Мезенского и Печорского уездов Архангельской губернии. Народы Северного Кавказа после 1887 г. также стали привлекаться к воинской службе, но на особо облегченных условиях.

В начале войны отдельные добровольческие армянские подразделения отчасти составлялись из числа армянских перебежчиков. Армянские отряды в составе Закавказской группировки русских войск возглавил в 1914 г. Армен Каро (настоящее имя — Нампарсум Боясян) бывший депутат турецкого парламента от Эрзурума.

Может показаться непонятным, зачем российское командование согласилось на такое столь открытое участие османских армян в боевых операциях, нарушив тем самым армянских специальных формирований (если надо было придать войне в Закавказье этнический и религиозный оттенки) вполне можно было привлечь и российских армян, а перебежчиков просто тихо включать в их состав. Ответ прост — армян в российской армии было очень мало, в отличие даже от северных кавказцев, из которых русские генералы сумели сколотить всего лишь одну дивизию. Для сравнения: в турецкой армии до войны служило около 60 тыс. армян, многие из них и стали перебежчиками.

.....

В Российской империи, согласно переписи 1897 г., «кормильцами», то есть лицами, полноценно участвовавшими в национальном производстве и содержавшими семьи, были признаны 34 млн человек из 128 млн населения страны, учтенных переписью. По оценке Н.Н. Головина, в экономике Российской империи реально было занято 24% ее населения, тогда как в Германии, США и Франции этот показатель колебался в пределах 38–40% (Головин 2001, 32–33). Отсюда Н.Н. Головин делал логичный вывод, что Россия экономически была абсолютно не готова к затяжной войне.

В других европейских государствах положение с призывом в военное время оказалось намного лучше (см. табл. 1). Как видно из таблицы, проблемы с призывом в случае войны должна была испытывать только Англия, всегда имевшая малочисленную армию. Из континентальных держав Россия оказывалась на последнем месте по возможностям военной мобилизации.

Таблица 1

Численность европейских армий в 1899 г.

Государства	В мирное время		В военное время	
	всего в тыс. человек	в % к населению	всего в тыс. человек	в % к населению
Россия	946	0,84	2729	2,41
Германия	521	1,08	2370	4,8
Франция	552	1,31	2005	4,77
Австро-Венгрия	317	0,73	1159	2,71
Англия	382	0,62	900	1,95
Италия	249	0,86	1164	3,86

Ориентация режима Романовых на сдерживание индустриального роста путем поддержки помещиков и крестьянской общины привела к негативным демографическим последствиям. В результате Россия по ряду параметров: призыв резервистов, наличие достаточного количества физически здоровых мужчин, способность лиц старших

возрастов служить в армии и полноценно работать в тылу — оказалась фатально не готовой к масштабной затяжной войне.

.....

Напомним некоторые данные об отставании российской экономики. В России в 1913г. выплавлялось стали на душу населения в 11 раз меньше, чем в США, в 8 раз меньше, чем в Германии, в 6 раз меньше, чем в Англии, в 4 раза меньше, чем во Франции. Добыча каменного и бурого угля на душу населения была в 26 раз меньше, чем в США, в 31 раз меньше, чем в Англии, в 15 раз меньше, чем в Германии, и в 5 раз меньше, чем во Франции (Развитие советской экономики 1940, 9).

Могла ли в принципе Российская империя при таком экономическом отставании решить проблему со снабжением своих вооруженных сил в разгар Первой мировой войны?

Таблица 1

Производство вооружений в годы Первой мировой войны

Виды военной техники и боеприпасы	Германия	Австро-Венгрия	Франция	Англия	Россия	Италия	США	Всего
Винтовки (в тыс.)	8547	3500	2500	3854	3300	2400	3500	27601
Пулеметы (в тыс.)	280,0	40,5	312,0	239,0	28,0	101,0	75,0	1075,5
Артиллерийские орудия (в тыс.)	64,0	15,9	23,2	26,4	11,7	6,5	4,0	151,7
Минометы (в тыс.)	12,0	—	3,0	2,5	—	—	0,6	18,1
Танки (в тыс.)	0,1	—	5,3	2,8	—	—	1,0	9,2
Самолеты (в тыс.)	47,3	5,4	52,1	47,8	3,5	12,0	13,8	181,9
Артиллерийские снаряды (в млн шт.)	306,0	80,0	290,0	218,0	67,0	70,0	20,0	1051,0
Патроны (в млрд шт.)	8,2	4,0	6,3	8,6	13,5	3,6	3,5	47,7
Автомашины грузовые (в тыс.)	65,0		110,0	87,0	20,0	28,0	30,0	340,0

Учитывая, что с конца 1914 г. российская армия нуждалась в 10 млн снарядов всех калибров в месяц, российская военная промышленность обеспечила за весь период Первой мировой войны армию снарядами едва ли на 7 месяцев боевых действий (табл. 4). Правда, немалое количество артиллерийских снарядов Россия получала от союзников. Но производственные возможности последних тоже были ограничены, к тому же Франция и Великобритания «не очень» желали делиться с Россией дефицитными военными ресурсами.

.....

* * *

Подведем итоги нашего анализа социально-экономических причин поражения Российской империи в Первой мировой войне.

Мы перечислили пять факторов, каждый из которых сам по себе достаточен для объяснения того, почему Россия не могла выиграть в Первой мировой войне. Главные социально-экономические причины поражения царской России можно перечислить в следующей последовательности:

- подчинение России интересам западных союзников по Антанте, которые стремились возложить на нее максимальные издержки войны, но не допустить Россию к разделу выгод от победы;
- неудачный выбор приоритетного театра военных действий — Восточного фронта (против Германии и Австро-Венгрии) вместо Кавказского (против Турции);
- относительно низкий контингент призывников, не позволяющий создать подавляющее численное превосходство над противником;
- неудачная структура довоенного финансирования модернизации вооруженных сил — высокие и малоэффективные расходы на военно-морской флот в ущерб сухопутной армии;
- недостаточность производства вооружения (прежде всего, снарядов и патронов) для армии из-за истощения производства меди.

Катастрофические итоги русско-японской войны должны были послужить для Российской империи тревожным звонком, поскольку уже тогда дали себя знать некоторые из перечисленных факторов. Однако его не пожелали услышать. Более того, если поражение в войне с японцами можно в известной степени считать результатом случайности, то проигрыш Великой войны был для Российской империи буквально неизбежным.

// Journal of Economic Regulation. - 2010. - Т. 1, № 3. - С. 92-105.

Блудов А.

Помощь органов местного самоуправления инвалидам и раненым в Первую мировую войну

Первая мировая война потребовала небывалого напряжения всех сил государства и общества. В этом отношении показательна роль органов местного самоуправления, как бы связующего звена между фронтом и тылом, государством и обществом. Начав с оказания

помощи раненым воинам, беженцам, с участия в ликвидации заразных заболеваний, в снабжении армии вещевым и боевым снаряжением, они затем подключились к решению продовольственного и транспортного вопросов и, наконец, к активному участию представителей городских самоуправлений в общественно-политической жизни страны.

Ситуация с помощью больным и раненым воинам складывалась в Тамбовской губернии в русле общероссийской. Городские комитеты помощи раненым развернули свою деятельность с первых дней войны. Так, Лебедянский комитет с 1 августа по 19 декабря 1914 г. собрал 1375 рублей. Кроме того, было собрано много вещей и продуктов для раненых. 2 декабря 1914 г. открылся Липецкий городской лазарет. К январю 1915 г. лазареты открылись во всех уездных центрах, в них насчитывалось 4763 койки, за 1914 г. в них прошли лечение 18709 человек. К 1 мая 1915 г. в Тамбове имелось 32 госпиталя.

Число лазаретов постоянно изменялось, менялось и количество коек в них. Кроме того, накладывало свой отпечаток распределение городов по эвакуационным пунктам. В Тамбовский эвакуационный путла входили кроме Тамбова - Борисоглебск, Кирсанов, Козлов, Лебедянь, Липецк, Усмань.

В результате с начала войны и по февраль 1917 г. в лазареты города Тамбова поступили более 37 тысяч человек, из них более 6 тысяч человек было перевезено в другие госпитали, 30421 выписан и на 1 марта 1917 г. в госпиталях оставалось 2153 человека.

Таким образом, общественные организации и органы местного самоуправления Тамбовской губернии проводили активную деятельность по оказанию помощи раненым и больным воинам, она носила высокопатриотичный и гуманный характер.

// Вестник Тамбовского университета.

Серия: Гуманитарные науки. - 2001. - № 3. - С. 14-1

Энгл Б.А.

Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну

В базарный день 1 октября 1915 г. вспыхнули волнения в городе Богородске. Старинный центр текстильного производства, расположенный недалеко от Москвы, Богородск был местом сосредоточения Морозовских текстильных фабрик, на которых работало более 15 тысяч рабочих.

Тридцать женщин-работниц пришли на рынок за сахаром и, обнаружив, что он распродан, пришли в ярость, обвинив купцов в бессовестности и спекуляции. Полиция

появилась быстро и силой вывела женщин из лавки, но они вернулись на городскую площадь и там продолжили возмущаться и сыпать обвинениями в адрес торговцев. Число недовольных неуклонно возрастало и достигло нескольких тысяч человек. Преимущественно это были женщины и молодежь, и не только рабочие, но и крестьяне, которые пришли на рынок из ближайших деревень. Вскоре толпа двинулась в сторону лавок и дала выход своему гневу. Кто-то швырял камнями в окна лавок, кто-то вламывался в них и выбрасывал товары, другие расхватывали их. Несомненно, имея все возможности, но не желая применять оружие против женщин и подростков, местная полиция оказалась беспомощной и не смогла остановить их.

В последующие дни продовольственные беспорядки расширились: теперь их целью стали не только бакалейные лавки, но и магазины поставщиков одежды и других мануфактурных товаров. 4 октября в город прибыли казаки, которые открыли огонь по восставшим, убив двух и ранив несколько человек. Убитыми оказались: 20-летний неквалифицированный рабочий, приписанный к крестьянству, и девушка-работница с текстильной фабрики 23 лет, также зарегистрированная как крестьянка. Среди серьезно раненых были: 12-летняя девушка, дочь фабричного сторожа; крестьянка из Данковского уезда, расположенного на юге соседней Рязанской губернии, и мужчина, которого, судя по всему, не смогли опознать. Также была ранена крестьянка из Рязани, которая проживала в Богородске, и крестьянская девочка 15 лет из деревни Богородского уезда.

После расправы волнения перекинулись на соседние фабрики. 2 октября остановили работу рабочие ткацкой фабрики Морозова. В течение нескольких последующих дней к ним присоединились десятки тысяч рабочих не только с ближайших фабрик, но и из Павловска, Обухова и Орехова.

Пиком этих волнений, в которых согласно отчетам полиции приняли участие в общей сложности более 80 тыс. рабочих, стала забастовка. Прежде всего, рабочие требовали повышения зарплаты для компенсации растущих цен. Забастовка продолжалась до 7 октября и закончилась определенным успехом - рабочие получили 20 % надбавки к зарплате. Но беспорядки среди работниц на ткацкой фабрике в Белгородске продолжались в течение нескольких недель и в конце концов 30 октября также вылились в забастовку, которая охватила около 12 тыс. работниц и продолжалась несколько недель.

.....

К 1914 г. Россия завершила свое развитие как доиндустриальное общество, даже если коллективное поведение масс иногда выливалось в доиндустриальные формы. Так, например, индустриальные рабочие часто были активными участниками продовольственных бунтов, их более «современные» формы борьбы на заводах скорее

сосуществовали параллельно с борьбой на рынках по поводу цен на продовольствие, чем вытесняли их.

Иногда, как это было указано во введении в эту статью, фабричные рабочие формировали социальную среду хлебных бунтов, выступая как потенциальные или реальные союзники бунтующих, и забастовочная готовность рабочих придавала большую значимость и угрозу акциям, которые начинались на рынках. Угроза была особенно велика в сельскохозяйственных районах. Если фабрики располагались в непосредственной близости от деревень, а то и в самих деревнях, что было характерно для текстильных мануфактур, то работа на промышленном предприятии и традиционное ведение крестьянского хозяйства существовали в своего рода симбиозе. Часть домохозяев крестьянского домохозяйства по-прежнему трудилась на земле, другие зарабатывали деньги на фабрике, но оставались членами одной семейной экономической единицы.

Эти «крестьянские рабочие», если использовать термин, предложенный историками Дугласом Холмсом (Douglas Holmes) и Джин Квотар (Jean Quataert), отдавали большую часть своей зарплаты в семью и возвращались домой либо после работы, либо на выходные и праздничные дни. (В центральных промышленных районах, где было расположено большинство «деревенских» фабрик, сельское хозяйство не обеспечивало население продовольствием в необходимой степени. Отсюда - необходимость в других источниках дохода и формирование крестьян - и женщин и мужчин - как потребителей рынка). Это «неформальное сообщество» обеспечивало связь между фабрикой и деревней, поддерживало «базарные беспорядки» в городе и распространяло их влияние в фабричных цехах.

.....

19 января 1916 г. губернатор Москвы уведомил Министерство внутренних дел об опасности продовольственных погромов со стороны рабочих на Пресне. Согласно его рапорту, около 6 500 рабочих Прохоровских мануфактур и нескольких близлежащих фабрик, недовольные ростом цен на жизненно важные продукты, планировали погром местных лавок. В надежде предотвратить волнения, губернатор предложил фабричной администрации Прохоровских мануфактур увеличить поставки продуктов по приемлемым ценам в фабричный магазин и открыть на Пресне мясную лавку.

Также заводские рабочие принимали участие в беспорядках в середине июля 1916 г. в фабричном поселке Родники Костромской губернии. Разозленные взвинченными ценами и отсутствием на рынке сахара, фабричные рабочие присоединились к местным жителям (гендерная принадлежность участников не известна). Толпа собралась у кондитерской лавки и потребовала снизить цены под угрозой взять лавку штурмом. Усиленный отряд

полиции был отправлен на место происшествия, а местные власти предложили купцам снизить цены до того уровня, на котором настаивала толпа.

.....

Во время войны солдатки сделались беспрецедентно активными. Они действовали индивидуально и коллективно, как специфическая группа, бомбардируя власть прошениями и петициями, описывая свое тягостное материальное положение и требуя от правительства выполнения своих обещаний. Их групповые акции происходили главным образом в небольших городках или районных центрах, куда эти женщины были вынуждены время от времени приезжать, чтобы подать жалобу или получить пособие. Примером такого выступления может служить хлебный бунт, произошедший в местечке Каменный Завод Пермской губернии в декабре 1915 г. В нем под руководством Параскевы Ельцевой - женщины, у которой двое сыновей были на фронте, приняло участие около 200 солдатских жен.

Такие выступления драматически нарастали в течение всего 1916 г. Так, 27 июня в Моршанске Самарской губернии группа солдаток численностью от 50 до 60 человек, получив свои пособия, двинулась в одну из лавок местного купца и потребовала продать им ткань по довоенной цене. Пока он спорил с ними, толпа все увеличивалась в размерах и женщины настаивали все сильнее и сильнее. В конце концов одна из них перелезла через прилавок и начала сбрасывать рулоны материи на пол, другие последовали ее примеру. Женщины забрали товар, а затем отправилась в другой магазин, где повторили эту акцию. Несколько подобных инцидентов произошли в этом регионе почти в одно время, и все они были связаны с высокой ценой на товары или отсутствием в продаже сахара.

Тремя днями раньше в Таганроге толпа, состоящая более чем из тысячи человек, идентифицируемая по своему составу как солдатки, захватила склад сахара, принадлежавший местному купцу, и поделила его содержимое между собой. Затем, когда со складскими запасами было покончено, они пошли громить другие магазины. Рассеялась толпа только после того, как прибыли войска и была дана команда открыть огонь.

Несколькими неделями позже продовольственный бунт в очередной раз вспыхнул в Таганроге, когда около 80 женщин, также идентифицируемых как солдатки, ворвались в центральный склад и уничтожили или похитили товаров, как следовало из заявления хозяина, на общую сумму около 900 руб. [6, с. 304-305].

Слухи об этих происшествиях быстро распространялись. В Астраханской губернии они подтолкнули женщин из пяти деревень отправиться на рынок и попытаться силой

заставить местных купцов вполнину снизить цены на монпансье, которое в деревне употреблялось вместо сахара к чаю. Пока один из торговцев сопротивлялся и звал полицию, несколько мужчин пришли на подмогу женщинам, в результате чего произошла потасовка. Беспорядки продолжались неделю, в них приняло участие более 500 женщин.

.....

В конечном итоге бунты показали, что война способствовала росту у многих женщинах низших классов - тех, которые были солдатскими женами, ощущения и признания за собой права на пособие и что остальное население не только увидело изменения в статусе этих женщин, но приняли их требования. В самом деле, стоит вспомнить тех донских казаков, которые в августе 1916 г. удерживали своего атамана, считая, что он не имеет прав применить оружие против женщин, чьи мужья сражались на фронте. Могло ли быть так, что сдержанность казаков в феврале 1917 г., по крайней мере части из них, была вызвана пониманием, что эти женщины, массово вышедшие на улицы Петрограда, были женами и матерями мужчин, воюющих на фронте?

И, наконец, исследование мотивации участников продовольственных бунтов, на которые историки так часто ссылаются, показало, что народные чаяния и ожидания были более сложными, чем это обычно признавалось. После февраля 1917 г. материальные нужды российского низшего класса можно было выразить только в одном слове - «хлеб», так это звучало и в большевицком лозунге - «Мир, земля, хлеб», и действительно к 1917 г. хлебный кризис стал реальностью. Однако по крайней мере до конца 1916 г. многие представители городских низших классов предполагали жить не только хлебом единым, они хотели сахара к чаю, мяса на своем столе, добротных ботинок на ногах и меры ситца-китайки на юбку или платье. Их ожидания более-менее приличного материального достатка в своей жизни оставили след в историях российского рабочего класса в революционные времена. И вместе с враждебностью к торговцам и «буржуазии» эти ожидания остались частью истории революции.

// Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. - 2010. - Т. 4, № 1. - С. 148-178.

Иванов А.И.

Русская литература и Первая мировая война (1914-1918 гг.): политические и этические аспекты проблемы

Русская литература 1914-1918 годов во многом разделила судьбу Первой мировой войны, оставшись в массовом сознании соотечественников малоизвестной, бесславной,

безгеройной. С «легкой» руки политиков военного времени на долгие годы по отношению ко всей литературе этого времени определяющими стали такие слова как «пацифистская», «оборонческая», «казенно-патриотическая» и так далее. А русские писатели и поэты военного времени разделили судьбу отечественной интеллигенции, которую принято было обвинять в нерешительности, мягкотелости, излишней терпимости. В книге «Первая мировая война: пролог XX века» приводится суждение одного из современников войны и последовавшей за ней революции - уральского священника, епископа уфимской епархии Андрея о причинах поражения России и значении сепаратного мира с Германией. Вина, - полагал он, - лежала на русской интеллигенции, которая десятилетиями третировала патриотизм и идею нации, подрывала уважение к офицерству и безумно преклонялась перед солдатами. Когда же с началом мировой войны большинство интеллигенции осознало идею Родины, то, по мнению епископа, было уже поздно: «Мы, интеллигенты, только говорили, а они (революционеры. - А. И.) претворили в дело...».

Слова русского священника о том, что интеллигенция (скорее всего - художественная!) третировала патриотизм и идею нации, на первый взгляд, противоречат обвинениям литературы в казенном патриотизме и шовинизме, ставшими привычными в послеоктябрьской истории литературы. Однако, по сути, в них та же упрощенность, категоричность, обобщенность, что и у критиков большевистского направления. Не лучшим образом обстоит дело и в современных работах, когда заходит речь об отношении к войне художественной интеллигенции, русской литературы, позиции того или иного писателя о войне. Масса примеров необъективных, взаимоисключающих суждений, свидетельствующих о явном смешении политического, этического, эстетического. Настало время определить истинную роль российской художественной интеллигенции в духовно-нравственной жизни России военного времени, выявить особенности взглядов на войну политика, художника, гражданина. Рамки настоящей статьи позволяют осветить лишь некоторые из вопросов, составляющих проблему «Литература и война».

Анализируя современные взгляды на роль и место отечественной литературы в духовной жизни России периода Первой мировой войны, не раз приходится убеждаться, что литературоведы лишь на словах помнят, что «теоретик и художник, обращаясь к общему предмету познания - живой действительности, по-разному ее воспринимают и воссоздают». Долгое время под наукой подразумевались политические оценки, под теорией - только марксизм. Исследователи нередко сводили, сближали в лице теоретиков и эмпириков идеологию и литературу.

Между тем В.И. Ленин хорошо осознавал разницу. Весьма интересным представляется в связи с этим его высказывание, адресованное А.М. Горькому: «Однажды

в разговоре по поводу коленопреклонения Шаляпина Горький сказал: «его нельзя судить очень уж строго: у нас, художников, другая психология». Другими словами: художник часто действует под влиянием настроения, которое у него достигает такой силы, что подавляет всякие другие соображения. Пусть так. Пусть Шаляпина нельзя судить строго. Он художник, и только. Он чужой делу пролетариата: сегодня - друг рабочих, завтра - черносотенец... смотря по настроению». Насколько справедливы слова политика о художнике, у которого настроение подавляет всякие соображения?

Обратимся к взглядам А.М. Горького, которые, как известно, было принято непременно сопоставлять с суждениями В.И. Ленина. В этом сопоставлении, как в той капле воды, отразилась суть упрощенного отношения к литературе военного времени и сложность этических вопросов, обострившихся во время войны. Считалось, например, что А.М. Горький, поддавшись влиянию общедемократических влияний, подписал составленное И.А. Буниним обращение «От писателей, художников и артистов», за что и получил от В.И. Ленина достойную отповедь: «Справедливость ленинской критики, при всей ее прямоте и резкости, была подтверждена всем ходом событий, полным тупиком воинственной идеологии и практики шовинизма <...> Поэтому и реплика Ленина вызвала у Горького не чувство обиды и отчуждения, а только смущенное желание оправдаться. По отношению к империалистической войне Ленин и Горький остались единомышленниками и союзниками». Напоминалось и о том, что еще в русско-японскую войну «Ленин прямо и решительно осудил неудачную попытку Горького «согнуться до точки зрения общедемократической вместо точки зрения пролетарской».

В течение нескольких десятилетий такого рода суждения кочевали из одной работы в другую. При этом совершенно не учитывались ни особенности (сложность этических проблем) *мировой* войны, ни принципиальные различия в суждениях *политика* и *художника*. Напомним, что в первые дни войны для В.И. Ленина и немногих его сторонников «важнейшим и направляющим революционную работу лозунгом стал лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую». Наряду с лозунгом гражданской войны В.И. Ленин в противовес «буржуазной и социал-шовинистической» политике поддержки «своего» правительства и «защиты отечества» выдвинул лозунг поражения «своего» правительства. «Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению поработанных им народностей и облегчает гражданскую войну против правящих классов». Для отечественной литературы, также находившейся в оппозиции к своему правительству, отношение к войне воспринималось гораздо сложнее. *С кем вступила в войну Россия?* Говоря словами Л.Н. Андреева, «с Германией - страной, укреплявшей российскую реакцию, или с Германией - родиной

немецкой социал-демократии, родиной Карла Маркса, Энгельса, Бебеля и Каутского?» Как распутать клубок, как разобраться в том, «что в этой войне приходится на долю Маркса и что на долю Вильгельма», если «даже Плеханов со всей его ясностью попал в «патриоты, черносотенцы и Смердяковы». Что же говорить о размагниченных интеллигентах, нытиках, никчемных и вечных идейных путаниках, как называли художников истые марксисты». *Чья точка зрения верней в вопросе о победе или поражении России?* Классовая? Общедемократическая? Национальная? Что означают в военное время слова из Манифеста Коммунистической партии: «Рабочие не имеют отечества», которые напомнил Г.В. Плеханов в своей работе «О войне»? Уместным будет заметить, что в ней же были затронуты сложнейшие вопросы об отношении интернационалиста к своей стране и о вероятности действия «простых законов нравственности и права». На наш взгляд, впервые обозначена и связь между этими вопросами: «Нелепо было бы требовать от социалистов той или другой страны равнодушия к интересам своей родины. Социализм отнюдь не исключает любви к отечеству. Но между тем, как люди, держащиеся точки зрения эксплуатирующих классов, находят позволительным и даже обязательным ставить интересы своей страны выше интересов всего остального мира, социалист должен иметь мужество пойти против своего отечества, когда оно в своей иностранной политике поступает несправедливо, нарушает **«простые законы нравственности и права»**. Только тот социалист, который способен на это, и может называться международным социалистом; и имеет право сказать о себе, что в его любви к отечеству нет шовинизма».

.....

Военная действительность перечеркнула предвоенные иллюзии ленинцев, связанные с интернационализмом, надежды на особое мироощущение рабочего класса. Об этом писала уже в сентябре 1914 года либеральная печать: «Мировая война разом разрушила веру и легенду, что буржуазный мир национален, а пролетариат и социализм - интернациональны. <...> Международная догматика и международная фразеология оказывались лишь поверхностным покровом, облежавшим крепкие национальные тела. Это совершенно ясно обнаружилось, когда над Европой разразилась великая гроза. Германская социал-демократия из бессильной и безответственной группки превратившаяся в сильнейшую партию рейхстага, *должна была* пойти с германским правительством, которое своим объявлением войны само открыло международную катастрофу». Военное время заставило их на «кровавом деле оправдывать тот буржуазный националистический лозунг, с которым они на словах так яростно боролись: *right or wrong, my country*, - хорошо ли, скверно поступает моя страна, я ее защищаю».

Для писателей вопросы об интернационализме неизбежно переходили в общечеловеческий план. *Насколько оправдано мужество противников своего отечества? Как и кем будет понят гражданин, желающий поражения своей родине в начавшейся войне?* Литература, привыкшая находиться в оппозиции к правительству, казалось бы, должна была бы только соглашаться с призывами к поражению «своего правительства». Но понятия своего государства, своего правительства сопряжены с понятием родина. Почему необходимо желать поражения своему народу? Своей нации? Своему мужику, одетому в солдатскую шинель? Осознавалась ли цена превращения начавшейся войны в войну гражданскую? Что будет с армией? О соотношении *национального* и *интернационального* размышляли в годы войны писатели Л.Н. Андреев («В сей грозный час»), Д.С. Мережковский («Невоенный дневник»), В. Ропшин («Письма из армии») и другие.

Осознавалась и необходимость работы по интернациональному воспитанию соотечественников, виделись ее масштабы и сложность. По словам того же А.М. Горького, несколько бесед с киевскими рабочими «обнаружили очень грустные вещи: полная неосведомленность о причинах войны, убеждение, что война начата Германией, недоверие к факту, что Германия неизбежно должна была начать войну, была вызвана к войне, непонимание роли Англии и вообще наших «союзников», главное же - полное незнание с жизнью германских товарищей в наши дни. Это - самое отчаянное, самое запутанное». И далее: «Дела - бесстыдно много, делателей же - нет, а они крайне необходимы в эти дни преобладания эмоций над разумом, никогда еще не были так необходимы!».

.....

Во время Первой мировой войны в России была издана книга А. Мицкевича «Славяне», основу которой составил курс лекций, прочитанный автором в парижском университете в 1842-1844 годах. А. Мицкевич взывал к Европе, когда его страна была распята. Отзываясь на эту книгу, Д.С. Мережковский сказал: «Книга странная, менее всего похожая на «Курс лекций» <...> Он не столько читает лекции, сколько молится, плачет, благовествует, проповедует, священнодействует». Слова Д.С. Мережковского о польском поэте-патриоте можно с полным правом отнести и к русской литературе военного периода: *она и молилась, и плакала, и благовествовала, и проповедовала, и священнодействовала*. «Время, когда с особой остротой выразилось бессилие духа перед всемогуществом цивилизации, техники потребовало духовной опоры в культуре всечеловеческой, как бы отвлеченно это ни звучало, и бездейственным не выглядело. «Война с войною» - таков желательный для нас, должный смысл настоящей войны, - писал Д.С. Мережковский в это время. И сам же задавался вопросом: Но таков ли смысл данный, действительный?».

Социально-политические причины войны были видны не только политикам. М.А. Волошин, А.М. Горький и другие писатели, знавшие жизнь предвоенной Европы, не раз высказывали суждения, сходные с взглядами политиков. Но художники слова видели в предвоенном мире противостояние механистического и духовного, цивилизации и культуры. Однако эти *общечеловеческие*, культурно-ментальные дихотомии мировой истории, преломленные в сознании писателей, игнорировались литературоведами.

.....

Вклад русской литературы в *этическую* мысль военного периода становится заметнее, когда публицистика и культурная деятельность рассматривается в широком контексте общественно-культурной жизни военной России, а не ограничивается сопоставлением *отдельных высказываний* того или иного писателя с последующими их поправками вождем пролетариата. Известно, что Первая мировая война ускорила решение проблемы соотношения классовых и общечеловеческих элементов или сторон морали. Зная отношение В.И. Ленина к внеклассовой нравственности, уместно напомнить о взглядах и других идеологов российской социал- демократии. Так, в своей брошюре «О войне» Г.В. Плеханов привел пример из разговора А.В. Луначарского с Р. Ролланом, в котором французский писатель высказал опасение, что в коренных реформах жизни человечества может быть забыта «обветшалая идеология всякого там права. Я думаю, - цитирует Г.В. Плеханов, - что великий грех совершается теми, кто старался подкопать и сгладить этическую сторону социального вопроса». Г.В. Плеханов считал, что Маркс как основатель Первого Интернационала как раз и не мог пренебрегать нравственным фактором. Заслуга Маркса, по мнению Г.В. Плеханова, в том, что *экономика* новейших обществ соединила рекомендованную Марксом «внешнюю политику пролетариата» с *нравственным законом* Канта. В своей работе Г.В. Плеханов ссылается на следующее высказывание Канта: «Во всем творении все, что угодно и для чего угодно, имеет значение только *как средство*; но человек... *есть цель в себе самом*, это именно субъект морального закона, который свят в силу автономии своей свободы». И как бы вслед за В.И. Лениным А.М. Горький не критиковал Г.В. Плеханова, позиция писателя во время войны - это позиция гуманиста, не на словах, а на деле препятствующего распространению зла. Обратимся еще раз к вопросу о национализме и интернационализме в воюющей России. В начале войны А.М. Горький пишет о резком обострении националистических чувств: «На Западе - непримиримые отношения между евреями и поляками, в Киевщине и Подолии то же самое между украинцами и «державной народностью», а на Кавказе начинается открытая и жестокая «политика» между армянской буржуазией и

грузинским дворянством». В данной ситуации А.М. Горький, видимо, считал, что интернационализм - лучшее противодействие разгулу национализма в своей стране.

В сопоставлении взглядов русских писателей с суждениями политиков не только левого толка становится очевидным, например, что горьковская поддержка политического интернационализма - еще не весь антивоенный Горький. Становится ясным также, что общечеловеческое, общероссийское, а не классовое было главным для многих и многих писателей. Основанием для такого утверждения являются: внимание к *человеку* в контексте всей предвоенной литературы; общественно-культурная деятельность по противостоянию жестокости, национализму и так далее; тревога о человеке завтрашней России.

Справедливости ради следует заметить, что отношение к войне у политиков и деятелей культуры не всегда противоположно по своей сути. Сходства обнаруживаются в *идеализации отдаленных итогов мировой войны*. На наш взгляд, сопоставим в какой-то степени идеализм В.И. Ленина, мечтавшего превратить войну в мировую революцию, и идеализм Л.Н. Андреева, сказавшего в статье «В сей грозный час»: «Мы приняли войну, как необходимость; и мы приняли ее без колебаний, в фирме «Россия и сыновья» каждый из нас имеет свой пай». И он специально подчеркнул, что ведет борьбу «не за Россию фактов, а за Россию мечты и идеала». Но и со страниц российской либеральной прессы звучало убеждение: «Мысль о том, что настоящая война есть освободительная и что борьба за победу есть в то же время борьба за лучшее будущее России, сделалась аксиомой для всех прогрессивных общественных мнений».

.....

Отечественная литература военного периода, получившая впоследствии негативные политические оценки, обращалась не столько к классовым, сколько к общечеловеческим ценностям. Она не была лишь поставщиком фактического материала для политиков-теоретиков. Публицистика военных лет продемонстрировала, что в кризисные моменты в жизни общества художник в силу чуткости к нравственным вопросам может способствовать проникновению этических, например, идей в политические. Более того, во время войны подвергается испытанию сама способность художественной интеллигенции давать согражданам надежные нравственные ориентиры, подсказывать им оправданный выбор в критических ситуациях. В противном случае под вопросом оказывается тот высокий общественный статус отечественной литературы, достигнутый в предшествующие десятилетия и поддерживавшийся в годы Первой мировой войны.

// Вестник Тамбовского университета.

Серия: Гуманитарные науки. - 2002. - № 3. - С. 26-36.

